СИНЯЯ БОРОДА (байка пятнадцатая)

(Продолжение. Начало в РЭТ №4, 2003 г.)

Геннадий Гендин (Москва)

Дело было в августе 1954 года, когда среди широкой публики о цветном телевидении не было даже и разговоров. Этой проблемой только-только начинали заниматься на уровне научных исследований в московском НИИ-100, да еще, пожалуй, в лаборатории московского радиозавода, который тогда тоже носил «секретное» название «почтовый ящик No 383». На заводе этой темой подпольно, партизанскими методами, занимался горячий энтузиаст «цветной» проблемы, исключительно грамотный инженер-конструктор Лев Давыдович Фельдман.

Идеей-фикс Фельдмана было создание цветного телевизора на базе серийного КВН-49. К этому моменту, как за рубежом, так и в СССР проводились интенсивные поисковые работы по выбору оптимальной системы такого телевидения. Две главные ветви этих поисков и два основных направления были представлены взаимоисключающими, альтернативными системами. Первая, так называемая «совместимая», система с одновременной передачей трех основных цветов позволяла смотреть черно-белые передачи на серийном цветном телевизоре, а цветные передачи, правда, в черно-белом изображении, на обычных черно-белых телевизорах. Главным недостатком системы была необходимость наличия специальных «цветных» трехлучевых кинескопов, производство которых при существовавших в то время технологиях представлялось нереальным или, по крайней мере, весьма проблематичным.

Вторая, «несовместимая» система с последовательной передачей трех цветов никак не укладывалась в рамки существующих стандартов, поскольку требовала втрое более высоких частот строчной и кадровой разверток и наличия специальных, вращающихся перед экраном дисков с чередующимися светофильтрами. Зато полноценное цветное изображение воссоздавалось при помощи обычного черно-белого кинескопа.

Обе системы имели свои достоинства и свои недостатки, поэтому спор очень долго не мог разрешиться в пользу какой-либо одной из систем. Впрочем, физическое отсутствие в то время специальных «цветных» кинескопов склоняло чашу весов в пользу «механического» телевидения, поэтому уже к середине 50-х годов в Москве начались пробные передачи «несовместимого» цветного телевидения с последовательной передачей цветов.

В одном из предыдущих номеров журнала «РЭТ» наши постоянные читатели уже сталкивались с парадоксами этой системы («байка № 7» под названием «Мистическое число девять»). Тем не менее, эксперименты в этой области продолжались достаточно долго. Одним из первых реально работающих цветных телевизоров стал «монстр», настоящее чудовище, созданный Львом Фельдманом на базе обычного серийного КВН-49 с переделанными системами разверток.

Перед экраном телевизора был смонтирован устрашающего вида диск, диаметр которого превосходил размеры всего телевизора. Диск состоял из девяти чередующихся цветофильтров – красного, зеленого и синего из прозрачного целлулоида, вращавшегося синхронно с последовательной передачей цветов на телецентре, так что в любой момент времени можно было наблюдать один и тот же кадр в каком-либо одном из цветов. Однако при большой скорости вращения диска из-за инерционности зрения все три отдельные «разноцветные» изображения сливались, в одно единое полноценное многоцветное изображение.

Вся конструкция при первом взгляде на нее вызывала суеверный трепет: диск при большой скорости вращения угрожающе гудел, поэтому на случай его возможного механического разрушения он вместе с синхронным двигателем был заключен в глухой металлический кожух, в котором на уровне кинескопа было вырезано «смотровое окошко».

Эти эксперименты очень скоро показали нежизнеспособность несовместимой системы, поэтому через какое-то время эксперименты с этой системой были прекращены, а все силы перенацелены на работы с совместимой системой.

* * *

Я не случайно так подробно рассказал вам о предыстории начала регулярного цветного телевещания у нас в стране, чтобы вам стала более понятной история, с которой начинается эта байка. Чтобы вернуть вас к началу этой истории, я даже повторю самую первую фразу:

«Дело было в августе 1954 года, когда среди широкой публики о цветном телевидении не было даже и разговоров». В этот день у меня было пять нарядов, четыре из которых я уже выполнил. Последним был «Т2-Ленинград» у очередного «нового» клиента в доме № 8 по улице Горького, прямо напротив здания Моссовета.

Почему «нового»? Потому что вся улица Горького от Манежа до белорусского вокзала с самого начала деятельности нашего первого в Москве Телеателье была негласно закреплена за мной, и большинство постоянных клиентов в этом районе были моими клиентами.

Публика в этом «микрорайоне» проживала в основном элитная, поэтому немудрено, что моим постоянным клиентом оказался чуть ли не весь московский «бомонд». Достаточно назвать такие фамилии, как популярные кино-и театральные актеры Михаил Жаров, Игорь Ильинский, Сергей Лемешев, Борис Ливанов, главный дирижер Большого театра Юрий Файер, эстрадники Изабелла Юрьева, Клавдия Шульженко, Лев Миров, детский писатель Лев Кассиль и многие другие, всех не перечислить.

На мою долю выпало «курировать» их телевизоры на протяжении нескольких лет, а поскольку в те времена телевизоры не отличались высокой надежностью, наше общение со «звездами» носило довольно регулярный характер, и большинство моей клиентуры при необходимости обращалось ко мне лично, по домашнему телефону, минуя заявки через ателье, где существовала железная очередь на вызов мастера, независимо от ранга клиента.

Вот поэтому наличие официального наряда в дом № 8 по улице Горького в сочетании с незнакомой фамилией клиента однозначно указывали на то, что клиент «новый».

Я посмотрел в графу «заявленная неисправность» и прочел: «нет звука».

– Наверняка немец, и наверняка 6П6С, – подумал я.

Здесь будет уместно объяснить причину моего умозаключения. Слово «немец» относилось не к клиенту, как вы могли подумать, а как ни странно – к телевизору «Т2-Ленинград». Дело в том, что в конце сороковых-начале пятидесятых годов производство телевизоров «Т2-Ленинград» помимо ленинградского завода им. Козицкого было организовано и налажено на территории оккупированной Германии, в Саксонии, где специально для этого в городе Радеберг был восстановлен (а скорее построен заново) радиозавод, продукция которого безвозмездно поставлялась в СССР в счет репараций.

Телевизор был повторен один к одному, и отличить его от нашего отечественного можно было лишь по двум признакам: маленькой эмблемке с русскими буквами «СВР» и по «немецким» радиолампам, которые были немецкими лишь по месту их изготовления, а на самом деле полностью повторяли наши отечественные лампы, включая из русские названия.

Аббревиатура «СВР» расшифровывалась как «Саксен-Верк, Радеберг», что же касается радиоламп, то их производство также было организовано в Германии на тех же принципах. Немецкий ламповый завод воспроизводил практически полностью всю номенклатуру отечественных радиоламп и кинескопов, поэтому «свои» телевизоры немцы полностью комплектовали «своими» же лампами и кинескопами. А поскольку период освоения новой продукции как правило связан с невысоким качеством этой продукции, «немецкие» лампы на первых порах выходили из строя значительно чаще наших родных.

* * *

Все мои рассуждения о возможной неисправности оформились, пока я поднимался на третий этаж, и к моменту, когда я позвонил в дверь, я был уже готов держать пари один к десяти, что окажусь прав. Дверь мне открыл, как я и предполагал, незнакомый мужчина лет пятидесяти, в домашнем халате и с палочкой, на которую он опирался. Я проследовал вслед за ним в гостиную, в которой на красивом полированном столике из ореха стоял работающий «СВР». Телевизор, как и следовало ожидать, молчал, а на экране...

Нет, вот так просто взять и сказать, что я увидел на экране, было бы непростительно, поскольку сегодняшний читатель этих строк просто не понял бы моего тогдашнего состояния. На экране нашего родного черно-белого «Ленинграда» был фантастический кадр: на ярко-желтом песчаном берегу в соблазнительных позах лежали красивые девушки с ярко-апельсиновым цветом загара и смотрели вдаль, где желтый песчаный пляж плавно и постепенно переходил в светло-зеленую морскую гладь, по которой величественно скользили несколько светлозеленых яхт с такими же светлозелеными парусами. А дальше, на линии горизонта, зеленая морская гладь уступала место голубому небу, по которому летали диковенные птицы голубого цвета с широко распластанными голубыми крыльями.

Вот вы, мой уважаемый сегодняшний читатель, попытайтесь мысленно перенестись в 1954 год, встаньте на мое место и попробуйте оценить мое тогдашнее состояние.

Пока я стоял с широко разинутым ртом, картинка на экране «Ленинграда» поменялась, и вместо фантастического пейзажа весь экран заняло лицо бородатого профессора, который ритмично открывал и закрывал рот, время от времени покачивая гривастой головой. У профессора была ярко-рыжая борода, бледно зеленое, изможденное неведомой болезнью лицо и... ярко-голубая шевелюра.

* * *

Ну, и какие версии вы, уважаемые читатели, можете выдвинуть, А? Не тратьте время зря. В основе разгадки этого феномена лежит не наблюдающаяся нигде в мире, кроме нашей России-матушки, способность русского мужика совершать немыслимые изобретения, компенсирующие допотопный уровень нашего быта на фоне достижений остального цивилизованного мира. Как в свое время неистребимое желание во что бы то ни стало увеличить размер изображения привело к созданию водно-глицериновой линзы, так и желание первыми увидеть цветное изображение на экране черно-белого телевизора подвигло наших Кулибиных из родной системы «Промкооперация» на изобретение... прозрачных трехцветных светофильтров на основе... непроявленных и «смытых» рентгеновских пленок.

На отмытую от эмульсии пленку наносились три цветные полосы желтого, зеленого и голубого цвета из прозрачных красителей на основе бесцветного цапонлака. Готовые пленки обрезались под два стандартные размера: для телевизоров КВН и для «Т2-Ленинград», окантовывались и продавались населению по вполне доступной цене.

Пленки обладали совершено замечательным свойством: если их переворачивали «вверх ногами», можно было без труда превратить голубые волосы профессора в ярко-рыжие, а его рыжую бороду – в темно-синюю, как у героя известного литературного произведения. А если ограничить поворот пленки углом в 90 градусов, достигался еще больший эффект: левое ухо профессора становилось желтым, правое – синим, а лицо продолжало оставаться болезненно-зеленым.

* * *

Вот с такими чудесами приходилось порой сталкиваться старым телемастерам в те далекие годы середины прошлого века.